

Котлас литературный

Ноговицын В.В.

Попав на многие географические карты мира, Котлас вполне бы мог претендовать на свое место и на другой карте – литературной. И на ней занимал бы самое выгодное положение – без каких-либо преувеличений. Из сотен, а то и тысяч населенных пунктов России и Советского Союза именно он удостаивался пера выдающихся российских (советских) писателей, малоизвестных и классиков. Именно этот город каким-то загадочным, а подчас и судьбоносным образом влиял на их творчество. А то исподволь вкраплялся в жизненные коллизии; подталкивал авторов к написанию ярких произведений – стихотворных и прозаических. Одних вдохновляла ширь Северной Двины. Другие восторгались живущими тут людьми. Третьи впечатляли сокровища, сбереженные неподалёку, в старинном городке Сольвычегодске. Четвертые прибыли сюда не по своей воле: просто гулаговская стезя привела, точнее, привели (привезли) ... под конвоем.

Несмотря ни на что, Котлас и Котласский район, а шире, громче, правильнее сказать – Котласская земля, край Котласский, вдохновенно подействовали не на одно поколение словотворцев, либо прибывших на какое-то краткое время, так, мимоходом или же задержавшихся здесь, и надолго. И в том какая-то непостижимая закономерность. Для того чтобы докопаться до сути русской идеи, русского страдания, русской радости и даже русского величия. Впрочем, горе, свалившееся на наш край в двадцатые-тридцатые годы прошлого века, было интернациональным.

Чаще всего упоминался Котлас в советской литературе. Уже в двадцатые годы лучшие писатели отправлялись сюда в поисках наглядных примеров. Образцов новой жизни. Ту, которую необходимо отразить трудом. «В буднях великих строек...» Или: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...» О том рассказать, как преобразуется «дикий» Север, как выковываются новые характеры, как растёт человек будущего.

Конечно, идеология брала верх над большинством таких произведений. Социальный заказ – ничего не попишешь! Но отнюдь не всё, далеко не всё в них было бесталанным. И далеко не всё было выкрашено в черный цвет.

Сохранилось воспоминание: прикованный к постели Николай Островский пристально вслушивается в каждое сообщение с Севера. Как сплавляется лес, и какой сильный речной затор возник у Котласа в одну из вёсен начала тридцатых годов. «Сплав в Котласском бассейне находится под ударом...» – такой или подобный заголовок во всесоюзной газете «Комсомольская правда» не мог не зацепить за живое больного литератора. Ну что там?! Что?! Ага, молодежь (в первую очередь – «комса») кинулась на разборку затора. Вот это по-нашему! Те первополосные информации, присылаемые с Севера, напоминали автору романа «Как закалялась сталь» боевые сводки с фронта, где решалась судьба Отечества. И когда река сдалась на милость победителям, когда древесина, нехотя, покорёно пошла-таки на архангельские лесозаводы, писатель радостно обронил своему литературному секретарю «из добровольцев» Галине Алексеевой: понимаешь, у моего Павки Корчагина есть достойная смена!

Не исключено, что о Котласе автор романа «Как закалялась сталь» узнал из очерка писателя Андрея Платонова (Климентова), прибывшего в наши края по командировке одного из центральных изданий. И как он, журналист и начинающий писатель (к тому времени у него вышли в Краснодаре и Москве сборник стихов и три прозаические книги), смело отправился «в люди», к плотогонам: ну как еще можно полно отразить жизненную правду? И там сумел испытать искреннее восхищение человеческим трудом. И, быть может, подсмотрел изнаночную сторону действительности. «Труд есть совесть»... Эта фраза тоже «из Платонова». И она не придумана, и так же мозолиста, как руки котласских

лесозаготовителей и лесогонов. Тот малоизвестный очерк будущего классика назывался «Я взрываю айсберг». Он – из апреля 1930 года. Динамично, вполне по-платоновски, выдержан текст, репортажно, но не эпатажно. В начале – восклицание: «Стихия!..» А после, как затравка, – следуют слова инженера: «Дело проиграно. Со стихией шутить нельзя...» И сугубо авторское в диалоге: «Надо в сердцах носить динамит, товарищ Надзянский!»

И такой же скорый переход – о приехавшем специалисте-динамитчике («какой-то Волков»), который должен в пух и прах разметать образовавшийся затор: «Посмотрим, получится ли...» Героями того изложения стали также некто Орлов, леспромхозовский начальник по снабжению, писатель Алексей Костерин, приехавший вместе с Платоновым, да группа помощников-красноармейцев. Без приключений, однако ж, не обошлось. Взрыв всё равно «грязнул»: «Два взмёта воды, льда и дыма встали над ледяным полем». Обратите внимание, Платонов не называет своих героев по именам, неукоснительно следуя стилистике того времени. Создаётся впечатление, что имена излишни, потому что отвлекают внимание, мешают. Есть даже не люди, а народная, безликая масса! И по этим деталям можно судить об эпохе.

Вскоре после той командировки Платонов сделал дневниковую запись: «Из нового мира рождается новейший. Всякое существо несколько раз сбрасывает кожу, спускает сукровицу и т.д. – прежде чем получить постоянство». Но вернулся писатель из Котласа другим человеком. Наблюдательный, тонко чувствующий окружающее, он, скорее всего, увидел, разглядел, понял, какую ценою куется «счастье» для всех. И, судя по всему, ужаснулся.

Как знать, не отголоски ли тех впечатлений вошли каким-то образом (и не обязательно напрямую!) в напечатанную в 1931 году повесть «Впрок» (известно, что она вызвала гневную реакцию самого Сталина) и «Ювенильное море (Море юности)» (1934). И отразились в «Чевенгуре» и «Котловане» (1930), в фантастических произведениях и в дневниковых записях Андрея Платонова. Бывавший уже на Севере, реально знающий, что представляет из себя этот край (в 1919-м году добровольно вступил в ряды Красной Армии и служил на бронепоезде где-то под Архангельском), литератор мучительно выискивает перемены к лучшему. Вот только находит ли?

Тонкий стилист-чувствитель, Андрей Платонов, похоже, вцепился в слово «котлован». Искусственный земляной провал, ямина, основа будущего строительства... «Котл(ован)»: отняв имущество, опустошили душу». И еще: «Мертвецы в котловане – это семя будущего в отверстии земли». Из дневников 1928-1930 годов, между прочим.

Подумалось: что-то очень близкое к названию далекого города в глухом Северном крае. И по значению родственно: низина, яма. А не указывается ли в тех фразах на жёсткие обстоятельства гулаговского времени? Рождаемое на костях будущее. Цель поставлена, а какой ценою она осуществляется, никого не заботит. Так и в повести: котлован становится большой могилой в твёрдокаменном, плохо поддающемся, пустом грунте. Невольная ассоциация со всем происходящим в стране. Одержимый одиночка Чиклин; молодость Насти, отданная в жертву... Ощувивший всю зыбкость котласского весеннего льда и отшатнувшийся от опасной взрывной волны, Андрей Платонов, возможно, понял не столько героиню происходящих перемен в частности и в целом, сколько их трагизм. Как знать, может, как раз именно Котлас послужил писателю отправной точкой для заглавия нашумевшей повести? Всего лишь предположения или так оно и есть?

В той поездке на Север А. Платонова сопровождал московский писатель Алексей Костерин, тогда – спецкор нескольких центральных газет (в том числе «Известий», «Гудка») и участник разных литературных групп («Октябрь», «Молодая гвардия»...) Что написал он о Котласе – не известно. Тем не менее, бесследно тот вояж для него не прошел. Последующая судьба этого писателя не была счастливой. Прошел «адовы круги»: репрессии, отлучение от любимой работы, исключение из Союза писателей СССР и из партии, унижения, реабилитация. Но талант, если он уже есть, не убить, а неистовость характера ничем не

урезонить. В конце пятидесятых Алексей Евграфович прославился тем, что пошел против официального курса КПСС.

Бывший военный комиссар Чечни и секретарь Кабардинского обкома партии (в двадцатые годы), он выступил защитником чеченского и ингушского народов, а также крымских татар. В конце шестидесятых также неосторожно осудил ввод войск стран Варшавского договора в Чехословакию. А в свое время «благодетель» Никита Хрущёв в его глазах не представлялся таким уж безупречным. По мнению Костерина, новый руководитель страны и партии одинаково со Сталиным и прочими вождями ответственен за происходившие и продолжающиеся в стране беззакония. Письма в ЦК КПСС и даже партийному съезду, 23-му по счету, в правления писательских организаций и к живому классическому – Михаилу Шолохову не могли не нервировать власть. В 1968 году Костерин, пожалуй, одним из первых писателей демонстративно вышел из партии, послав (по почте!) членский билет вместе с сообщением о своем поступке в Политбюро ЦК. Правда, уже до этого поступка его из нее заочно исключили. «Нет, я сам вышел», – упрямо доказывал Костерин. Он по-прежнему оставался вне игр и правил.

Лишь скорая смерть (и нескольких дней хватило человеку, чтобы «сгореть»!) исправила смутьяна. Характер! Характер, сблизивший Алексея Евграфовича с давним своим попутчиком – Платоновым. Они оба как бы продолжали взрывать толстый лёд крупномасштабного, изошрённого повседневного вранья. Как знать, быть может, реальный случай, виденное когда-то в Котласе, стало состоянием их последующих жизней? Взрывоопасным состоянием.

Отслеживая судьбы литераторов, бывавших в то время на Севере, невольно понимаешь: Котлас действовал на них фатальным, роковым образом. С многих снимал завесу, отделяющую Ложь от Правды. Как шелуху. Как отмершую кожу. Как маску лицемерия. Неизменно ставил перед выбором: покорно служить (прислужничать!) Власти или идти против неё, а значит – напролом. А значит – вне течения. Против толпы. И против сильных мира сего. Что лучше?

Дороги многих больших и средних писателей, просто мемуаристов и исследователей – из когорты несгибаемых – неизменно лежали через Котлас. Воистину: не пройти – не объехать этот населенный пункт. По земле ступал трагический Двадцатый век. Александр Солженицын, Олег Волков, Лев Разгон, Варлам Шаламов, Остап Вишня, Юхим Михайлов, Вацлав Дворжецкий, Теодор Шумовский, Густав Шпет... Писатели, художники, актеры, ученые, философы... Кто-то останавливался здесь на день-два либо на месяц-другой, а кто-то оставался на годы и навсегда. Кто-то уместил свои ощущения в нескольких строчках и страничках скупых воспоминаний. А кто-то смог захватить на внушительные по объему, подробные, даже слишком скрупулезные мемуары.

Нобелевский лауреат А. Солженицын увековечил свою котласскую пересылку в двух знаковых произведениях: «Один день Ивана Денисовича» и «Архипелаг ГУЛАГ». А в романе «В круге первом» упомянул город Сольвычегодск, который – точно – не посещал. Вот и о ссылках Сталина при пресловутом царизме исподволь сказано. С явным намеком: «...его берегли», «не мешали крутить революцию». «Чем старше и известнее в партии он становился, тем ближе его ссылали, уже не к Байкалу, а в Сольвычегодск, и не на три года, а на два», – тем и ограничился.

Причем во всех случаях Александр Исаевич прибегал к явно нарочитой схематичности. Скорее всего, не хотел будоражить собственные воспоминания. Или нечего было сказать. Оттого и ограничился, не ругаясь за их достоверность, скупыми фактами, услышанными от других людей. Лагеря и спецпоселки Солженицын образно назвал «злокачественными клеточками». И как вывод: «Очень рано потянулась дорога Сорока-Котлас». А к ней и массу народа потянули, повели, повезли... Но если в начале пути было непонятно, куда и зачем отправляют, тут наконец-то всё более-менее прояснилось.

В книге «Плен в своем Отечестве» Льва Разгона откровенно говорится: «Здесь, в Котласе, мы распрощались со всеми видами страха. Нас больше не арестуют, не будут

допрашивать». Можно добавить: именно тут они получали прививку чести и порядочности. Начинались моральное выздоровление и прозрение.

Игорь Золотуский, известный литературный критик, много сделавший в исследовании творчества Николая Васильевича Гоголя, лауреат премии имени Александра Солженицына, в Котлас попал подростком: привез отец, определенный сюда на поселение. «В Котласе, куда он увез меня, в тайге, где мы гуляли часами, он рассказал мне – пятнадцатилетнему пацану – всю правду о Сталине. И тогда, помню, я написал стихи, где были такие строчки: «на нём погоны, звёзды и мундир, и кровь он любит, как вампир». Впрочем, до полного прозрения было еще далеко». Это из книги «Крушение абстракций», увидевшей свет 20 лет назад. Судя по многочисленным публикациям в периодике, Игорь Петрович не изменил своего отношения к прошлому. Да и к настоящему, мало понятному сегодняшнему, относится тоже... критически.

Та же, как у Солженицына, почти репортажная схематичность в романе «Погружение во тьму» Олега Волкова. Примечательно: за нее автор получил Государственную премию России за 1991 год. Самую первую, учрежденную после распада СССР. Самым первым. А что еще мог он написать, если Котлас – всего лишь кратковременным этапом его длинного лагерного пути с большой остановкой (на более чем десятилетие) в республике Коми. Запечатлено с документальной точностью: «На пересылку в Котласе поступало куда больше народу, чем она могла отправить. Люди жили, карауля, когда освободится на нарах место, чтобы ненадолго уснуть, или ходили взад вперед по бараку или на огороженном колючей проволокой дворе. Недобрая слава о котласской пересылке утвердилась прочно».

Автор «Колымских рассказов» и таких же честных, пронзительных стихотворений вологжанин Варлам Шаламов (1907-1982) написал как-то о времени, стреляющем в цель. «Это всё – не только апрель», – грустное такое умозаключение. После многолетнего лагерного заключения. После долгих дорог по бескрайней матушке-России: непонятно, почему везут, непонятно – куда. Станции, виденные украдкой: в щель вместо окна. «Я не решился бросить записку, – вспоминал он. – Поезд снова пошел к югу, затем в Котлас, на Пермь». Как географическая точка, но поставившая точку на жизнях тысяч обреченных людей.

У Нобелевского лауреата Михаила Шолохова своя «деталька»: «Мне мой дружочек Тимошка Рваный прислал из города Котласу Северного краю письмецо...» (роман «Поднятая целина»). Сколько подобных доказательств о перипетиях судеб людей разных национальностей и сословий втиснуто в книжные переплёты?!

Вот и философу Юлию Марголину (1900-1971), выступавшему также под псевдонимом Александр Галин (кстати, он – выпускник Берлинского университета; жил то в Польше, то в Палестине, снова в Польше, в которой его арестовали на ее «советской территории»), пришлось пройти и котласские «университеты». После Беломорканала. Уцелел в них чудом. О чём эмоционально рассказал в книге «Путешествие в страну Зэ-Ка», увидевшей свет в 1952 году в нью-йоркском издательстве имени А. Чехова. Задолго до громких разоблачительных трудов других свидетелей тоталитарного режима. А до этого (до Второй Мировой войны) Юлий Борисович выпустил «Записки о Пушкине» – на русском и польском языках. Но ощущения, им испытанные на территории СССР, нельзя обозначить как «маленькие трагедии». Только большие! Пожалуй, впервые в филологической практике Марголиным введен в оборот термин «Расчеловечивание» – название одной из глав этой документальной книги. В ней о том, как поезд медленно двигался вглубь Советского Союза. «Я понял, что не вернусь живым из Воркуты». И о Вологодской пересылке, на которой его, еврея-философа, едва-едва не задушили.

И, наконец, 24-ая глава – «Котлас». «25 июля 1944 г. привезли нас в Котлас, город на берегу Сев. Двины, с насел. тысяч в 15, – первые ощущения. – Это центр «Котласлага», а, кроме того, перевалочный пункт для масс заключенных, направляемых отсюда в лагеря Печоры и Заполярья». Описательство продолжается: «И действительно, скоро мне рассказали о страшных местах вокруг Котласа, о лагпункте, где на 2 400 чел. 1 400 лежало,

не вставая, и ежедневно умирало по 30 человек». «Здесь не было войны, и всё же великое побоище окружало меня», – описывал арестант девятый корпус, в который его разместили. Но ужасы на этом не заканчивались. Наоборот! Автор обращает внимание на вопиющие детали повседневного быта. Ирония сквозь слёзы: «Котласские клопы могли бы обратить в бегство моторизованную дивизию с танками и броневиками». Правда, поводов для смеха становилось всё меньше и меньше. Спаситель Ю.Б. Марголину «помог»... лазарет. Счастливый случай. Но и там находились несчастные, обреченные на гибель люди. «...лежал отец Серафим. Ему было за 70 лет, он выглядел как библейский патриарх». Настоятель «одной из московских церквей» умер в конце 1945 года. Вспомнил летописец и о поляках. И хотя им была объявлена амнистия, свободы дождался лишь один из них. «Они протестовали и писали жалобы». Бесплезно! Лагерная справедливость не соответствовала справедливости официальной, нарочито не попевала за ней.

Фотография остриженного наголо человека. На груди – булавкой приколотый листок с номером. Это – Игорь Терентьев (1892-1937) в заключении. А ведь всё вроде бы складывалось в его творческой судьбе театрального режиссёра из Днепропетровска более-менее успешно. Имя. Слава. Знакомство с Владимиром Маяковским и Николаем Бухариным, с другими известными людьми от искусства и политики.

В апреле 1927 года Игорь Герасимович ставит в Ленинграде гоголевского «Ревизора». Причем поставил, по собственному мнению, «исторически». Однако происки «враждебных сил» мешали работе. «Советская реакция», – не стесняется в эпитетах Терентьев, по старой дружбе обращаясь к Маяковскому за заступничеством. «Володя, чем скорее, тем лучше. Телеграфируйте, когда можете приехать. Дело до крайности серьезное». Заодно проясняет обстановку. Мол, вся эта публика «млеет от европейско-американского налёта на своих мордах и задах». Того и гляди, превратит Театр Дома Печати «в седалище клубной интеллигенции – для ужина, фокстрота...» В.В. Маяковский не приехал, не вступился, не подал голос: были дела поважнее – творческая поездка за границу.

Терентьев никогда не пресекал себя в выборе выражений, мнений. А зря. Подобные публичные заявления, как и следовало ожидать, для него плохо закончились. Арест в 1931-м. В обвинительном заключении учли многое: дворянин; сын жандарма; живя в Константинополе, «имел сношения» с представителями иностранных государств и даже «с английской контрразведкой». А уже в СССР «проводил вредительство в области театра», причем «систематически» умышленное. В общем, расстрел... Судебная тройка, тем не менее, сделала режиссёру снисхождение: «ТЕРЕНТЬЕВА Игоря Герасимовича заключить в концлагерь сроком на ПЯТЬ лет». Направление «выписано» в город Котлас.

И тотчас же обеспокоенная творческая общественность, и в ее числе писатели Николай Асеев, Лев Кассиль, Семён Кирсанов, имевшие вес в советской литературной иерархии, выступили с ходатайством: «...мы просим заменить Котлас каким-либо другим пунктом...» Заместитель председателя ГПУ Украины Карлсон доложил выше стоящему начальству: «ТЕРЕНТЬЕВ является яркой контрреволюционной фигурой, выслан он совершенно основательно, его нахождение «ближе к научным и культурным центрам страны», как об этом пишут ходатайствующие, является вовсе нецелесообразным. ТЕРЕНТЬЕВ уже отправлен по месту назначения». Но Котласом ему долго не докучали. Отсюда его определили на строительство Беломорско-Балтийского канала, затем – канала Москва – Волга. И там, и сям он руководил агитбригадами, судя по негативным отзывам, тоже чрезмерно «вредительски».

Чтобы не усугублять ситуацию, в 1937 году Игоря Терентьева расстреляли, причем в Москве. Еще одним возмутителем спокойствия стало меньше. В 1988 году вышло терентьевское собрание сочинений, а в 1993-м – появилась книга стихов, писем, следственных показаний и документов, названная многозначительно «Мои похороны». Составители «выдернули» эту строчку из авторского текста. Даже в предчувствии скорой гибели он всё-таки не преминул поёрничать над самим собою и над старушкой-смертью.

Вацлав Дворжецкий (1910-1993), снявшийся в кинокартинах «Щит и меч», «Открытая книга», «Красное и черное», «Емельян Пугачев», «Где-то плачет иволга», «И жизнь, и слёзы, и любовь», отец прекрасных актеров Владислава и Евгения Дворжецких, тоже начинал свои отсижки с Котласа. О чём и упомянул в мемуарах «Пути больших этапов», опубликованных в 1994 году.

Впрочем, Котлас еще не край земли. Были места куда гибельнее. Как правило, именно туда – в тьму-таракань, в республику Коми, и ссылали большинство неугодных. Среди очутившихся там – Павел Михайлович Губенко, известный как Остап Вишня. Редактор популярного журнала «Червоний перець», «Гоголь Октябрьской революции», тем не менее, в 1933-м «схлопотал» десятилетний срок, как сказано, «для отбывания меры социальной защиты». Не удивительно, что путь в Ухтпечлаг лежал через Котлас. 11 апреля 1934 года Павел Михайлович приказом № 99 по Котласскому перевалочному пункту Ухтпечлага ОГПУ зачислен в списки. Попав к месту отбывания наказания в Чибью, Губенко-Вишня не перестает заниматься журналистикой и литературным трудом. Но теперь его перо не такое колкое. Не до острот! Чревато! Зато невольник написал «серьезную» книгу «5 лет борьбы за недра тайги и тундры», восхваляющую преобразования в лесном краю. Дескать, ничто не свернёт нас с дороги к социализму! Но вряд ли эта работа доставила ему истинную радость. Он понимал: сейчас главное – выжить и любой ценой сохранить свой талант.

После «отсижки» он вернулся домой совершенно другим человеком. «Пуганым». Реабилитированный, восстановленный в правах и на работе, народный любимец и вновь взлелеянный новыми властителями, Остап Вишня «обрушивает» всю мощь творческого дарования на империалистов-капиталистов, на украинских националистов и отъявленных хапуг, на богомольцев, на зажавшихся чиновников и остальных, как называл, «чудил».

Фельетоны, памфлеты, очерки, юморески, рассказы! Книги Остапа Вишни, как и раньше, до войны, выходили массовыми тиражами в Киеве и Москве. Даже собрания избранных сочинений изданы на украинском и русском языках – в четырех и трех томах. Чтобы не забыть, на стене домашнего кабинета Павел Михайлович приколот большой список «любимых» персонажей (два с половиной десятка). «...и прочие сукины сыны и прохвосты», заключал он после строчки «задавак и алиментщиков-летунов». Теперь писатель выполнял социальный заказ общества, редко позволяя отсебятину.

Другой известный писатель Михаил Булгаков прекрасно обходился без списка прототипов героев своих произведений. Зачем?! Он и так помнил каждого. А своего приятеля – искусствоведа В.Э. Морица, служившего в государственной Академии художественных наук, даже «вывел» под реальной фамилией в повести «Собачье сердце». По стечению обстоятельств, этот товарищ в 1930-м временно пребывал в Котласе: заставили! Вместе с ним в наш городок протянулся шлейф его альфонской славы. Надо думать, и на Севере он зря времени не терял. Михаил Афанасьевич представил комическую сцену, когда на прием к профессору Преображенскому приходит одна особа. Вот как это описано в книге: «Клянусь, профессор, – бормотала дама, дрожащими пальцами расстёгивая какие-то кнопки на поясе, – этот Мориц... Я вам признаюсь, как на духу... (...) Ведь это такой негодяй! О, профессор! Он карточный шулер, это знает вся Москва. Он не может пропустить ни одной гнусной модистки. Ведь он так дьявольски молод». Котласская ссылка закончилась для Морица весьма благополучно. Отбыв срок, он вернулся в Москву. И даже преподавал актерское мастерство в театральном училище имени Щепкина.

Книга. Многосерийный художественный фильм. И всё – о дурашливо находчивом бойце. «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» в буквальном смысле слова перешли все границы, прибавив автору – Владимиру Войновичу – славы. Но первоначально была космическая песня: о «пыльных тропинках далеких планет», на которых «останутся наши следы»... Как оказалось, Котлас также оставил след в нашумевшем романе-анекдоте. Во всяком случае, старшина Песков, изрядно допекавший Чонкину, имел невесту Любу, «которая жила в городе Котласе». Помимо нравоучений нерадивому красноармейцу, командир имел обыкновение обо всём обстоятельно докладывать в

письменном виде своей далекой зазнобе-северянке. Поэтому послание получилось обстоятельным и долгим. Военный не соглашался с тем, что «женатому человеку лучше работать где-нибудь на заводе, чем служить армии». Завод, по всей очевидности, был Лимендским ССРЗ. Аргумент: «...вы, Люба, имеете об этом неправильное понятие, потому что для каждого воина Красной Армии есть главное переносить все тяготы и лишения воинской службы. А также воспитание подчиненных». От армейских ценностей – к семейным: «Если не будешь воспитывать ребенка в строгости с ремешком, то он вырастет жулик или хулиган»...

Распоясавшегося отпрыска легко могли исправить в том же Котласе опытные товарищи, специалисты по части перевоспитания. Например, Лев Шейнин (1906-1967). Человек с большими творческими задатками и не меньшими амбициями, он варьировал между литературой и прокуратурой. Школа была хорошей: институт имени В. Брюсова (литературно-художественный уклон), Московский госуниверситет. И – следственные органы. Бурная, напряженная жизнь. Но и для писательских бдений времени тоже хватало. Первую книгу Шейнина «Рассказы следователя» сразу же заметили читатели. Но более того – коллеги и руководство. Плюс для карьеры! Следователь по особо важным делам Прокуратуры Союза ССР – всё равно, что шишка на ровном месте.

В 1933-м летописца гулаговской системы направляют в командировку в Котлас. Он должен был изучить обстоятельства массовой гибели спецпереселенцев и во всех подробностях «доложить» об этом наверх. Лев Романович не стал кривить душой. «Установить, хотя бы приблизительно, количество умерших в пути из обоих этапов не предоставляется возможным», – отнюдь не высоким стилем докладывал он в Москву. «Из прибывших в Котлас 2 680 человек до села Яренск дошло 880». И дает понять: вина сотрудников ОГПУ в гибели дешевой рабочей силы очевидна. Непростительная халатность допущена! Под судебную статью попали два десятка охранников. Карательный меч правосудия коснулся и их голов. В каком веке-то?!

Счастливая звезда освещала путь, по которому двигался вперед Лев Шейнин. Ему доверяли самые ответственные дела. Так, он участвовал в Нюрбергском процессе над военными преступниками. Наравне с писателем Ильёю Эренбургом (кстати, тоже бывавшем в Котласе в тридцатые годы и написавшем об этом в нашумевшем романе «Не переводя дыхания», а через почти четверть века в книге «Люди, годы, жизнь»). Шейнинский багаж – десяток книг, не считая публикаций в коллективных сборниках, например, «Чекисты». Больше всего он гордился именно этим «званием» – почетный чекист. Но при возможности представлялся и членом Союза писателей СССР, и представителем кинематографического сообщества. Ведь по его сценариям снята тогдашняя классика советского кино – фильмы «Ошибка инженера Кочина» (1939), «Поединок» (1945), «Встреча на Эльбе» (1949).

Но то когда было! А недавно, например, экранизирован роман «Москва – Петушки» непредсказуемого Венедикта Ерофеева. Так вот, этот самый Венечка успел «наследить» и на котласской земле. Сначала – в 1941-м, когда семейство Ерофеевых «на всякий случай» (потому что война!) эвакуируется из Кировской области в Нижнюю, а затем и Верхнюю Тоймы. Ко всем мытарствам – пятилетний срок, данный отцу. Ерофеевы меняют места проживания, лавируя между Архангелогородщиной и Кировщиной. Через сорок лет Венедикт решил вернуться в прошлое. 14 июля 1982 года он выезжает из Москвы в Котлас, благо, помимо прямого повода есть прямой поезд. Задача: пройти вместе с тремя компаньонами по северным рекам. Плот в оборот. И вперед! Главное – плыть! 21 июля «спуск корабля на воду». У пристани Бобровниково устроили ночлег. Такое благо! Маршрут – Котлас – Забелье – Шипицыно – Крутец – Нечаиха – Комарица – Федотовская... И далее, далее: Телегово – Наволок – Красноборск – Дябрино... Особенное впечатление произвели деревня Богоматерь и Пермогорская церковь. Однако добираться до Архангельска таким видом транспорта было непривычно. Да и рискованно, вообще-то. 26 июля путешественники дождались на пристани Липники, что у Двинского Березника, котласского теплохода «Олекма». До Архангельска компаньоны добрались уже без приключений. Ерофеев раздал

всем сёстрам по серьгам. Северной Двине от него досталось такое образное наблюдение: «Масляниста, толста и самодовольна, помесь жены Генриха Восьмого, Екатерины Арагонской с Екатериной Фурцевой».

***

Город Котлас, Котласское Трёхречье, Архангельский Север сполна отражены в литературе – научно-исследовательской, публицистической, мемуарной, художественной. Притом в произведениях авторов, чьи имена на многие годы не забудутся, не сотрутся, останутся для потомков – «в назидание». Это и Николай Тряпкин, и Дмитрий Лихачёв, и Кир Булычёв, и Валентин Пикуль, и Эмилия Бояршинова, и Александр Копылов, и Сергей Марков, и Михаил Пришвин, и Борис Рябов, и Ольга Фокина, и Инэль Яшина, и Вячеслав Чиркин... Не говоря уже о большом литературном даре крупного военачальника, Адмирала Флота СССР, нашего земляка Николая Кузнецова. И не менее владеющего пером и выпустившего с десятков книг в Минске и Москве генерал-лейтенанта Юрия Иванова, живущего в столице Беларуси. Когда-то Юрий Степанович, уроженец Великого Устюга, проживал в Коряжме и Яренске. И десятки имён бывших и нынешних словотворцев не мешало бы вспомнить.

Всё это открывает дорогу для новых подробных исследований – краеведения литературного. Значит, надо по крупицам собирать подобный материал. Сохранять писательские рукописи. Кто сказал, что они не горят? Горят, да еще как! Важны письма, фотографии, книги, периодика. Настала пора позаботиться о том, чтобы документальные свидетельства не пропали, бесследно не исчезли. Чтобы остались – для других. Как важная часть культурного общероссийского наследия.

Источники:

1. Плотников В. И. Двинские «айсберги» Андрея Платонова // Двинская правда. – 2007. – 20 апр.
2. Платонов А. Деревянное растение. Из записных книжек: Москва, 1990.
3. Васильев С. (псевдоним – Ноговицын В.). Котласские «университеты» Остапа Вишни / Двинская правда. – 1991. – 21 дек.
4. Вишня Остап. Вот так и пишу. Рассказы, фельетоны, юморески. Москва, 1984.
5. Киноэциклопедический словарь (главный редактор С.И.Юткевич). Москва, 1986.